

«третьей инстанции», которая указала бы, какой из версий следует верить. При таком подходе даже к привычному для западной культуры плюрализму мнений в СМИ, возникает обоснованное сомнение, что российская ментальность на данном этапе совместима с идеей «электронной агоры», где все версии реальности являются равноправными и в равной мере виртуальными.

С другой стороны, в России слой пользователей Всемирной Сети, освоивших те возможности, которые дает новое информационное пространство, пока очень узок, и включает в себя в основном жителей мегаполисов, в значительной степени вестернизированных и освоивших западный образ жизни. Иными словами, информационная революция обострила традиционную проблему российской модернизации: проблему совместимости модернизированного сектора со всем остальным социумом. Как показывает российский опыт, такого рода совместимость всегда достигалась с большим трудом и при активном вмешательстве государства.

Поэтому, как ни парадоксально это звучит, освоение нового информационного пространства в России превращается в задачу государства. Активные попытки государства вмешаться в деятельность операторов Сети, поставить ее под свой контроль показывают, что государство эту задачу осознает. Проблема состоит в том, что такой контроль планируется осуществлять архаическими методами и в явном противоречии с идеологией нового информационного пространства, как она сложилась в настоящее время. Это означает, что информационная революция пока произошла в России только технологически, но не ментально.

«РАДИО ЕСТЬ, А СЧАСТЬЯ НЕТ»: «электронное общество» как социокультурный миф

А.Д. Трахтенберг

Трахтенберг Анна Давидовна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

«В фантастических романах главное это было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет».
И. Ильф¹

Современная информационная революция породила целый спектр утопических и дистопических ожиданий и опасений: от ожиданий, связанных с формированием на основе «Интернета», «электронной агоры» и электронной прямой демократии, до апокалиптических опасений, связанных с пришествием божественного Разума Сети, который подчинит себе человечество. Образы мужественных «киберпанков», воюющих на новом электронном «фронтире» со всемогущими электронными корпорациями, успешно эксплуатируются массовой культурой и уже успели лечь в основу нескольких голливудских блокбастеров.

И утопические, и дистопические мотивы, сопровождающие развитие «Интернета», являются весьма традиционными, и в комплексе образуют один

из базовых для современной культуры мифов — миф о «Величии электричества». Этот миф сложился в середине XIX века на фоне появления электрического телеграфа. Все основные сюжеты, присутствующие в современных версиях мифа, окружали внедрение в повседневную жизнь телеграфа: начиная с тезиса о том, что телеграфные кампании полностью подчинят себе массовую прессу и, соответственно, общественное сознание².

Миф о «Величии электричества» в разных его исторических модификациях исходит из того, что, благодаря электронным средствам коммуникации, произойдет радикальное изменение ткани социальности, и, следовательно, повседневной человеческой жизни и типа личности. Когда один из теоретиков информационного общества, впадая в мистический экстаз, пророчил: «Мы все станем ангелами в вечности! Изменчивыми ангелами-гермафродитами, навеки запечатленными в компьютерной памяти!»³ и сравнивал Сеть с Градом Небесным, который, в противоположность Эдему, воплощает мудрость, а не невинность, преодоление природы и материи, а не интимный контакт с ними, символическое общение, а не асоциальную реальность, он вряд ли осознавал, насколько традиционными для европейской культуры являются подобные пророчества. Не менее традиционными являются и страхи, связанные с тем, что Сеть из чистых рук первооткрывателей попадет под контроль больших корпораций и превратится в инструмент зомбирования пользователей.

Как показывает история электронных средств коммуникации, реальные изменения в ткани социальности обычно имели гораздо меньший размах, и затрагивали повседневную жизнь людей в иной плоскости, чем предсказывали адепты мифа о «Величии электричества». Так, электрический телеграф так и не сумел стать средством неформальной межличностной коммуникации, оставшись, по преимуществу, средством коммуникации внутриинституциональной, и при этом в сильной степени формализованной. В то же время «беспроволочный телеграф» (радио),

достаточно неожиданно для социальных прогнозистов, превратился в средство массовой коммуникации, в то время, как такую судьбу пророчили телефону.

Не менее характерно, что из многочисленных пророчеств «гуру телевизионной эпохи» М. Маклюэна об имплозии коммуникации и пришествии глобальной деревни, не сбылось ни одно, так что сейчас даже самые преданные его сторонники вынуждены признать, что «мы живем не в глобальной деревне, а в построенных по заказу коттеджей, производящихся локально, но распределяемых глобально»⁴.

История возникновения и развития самого «Интернета», которому изначально приписывались совсем другие функции, чем те, которые Сеть стала выполнять реально, очередной раз доказала, что ткань социальности, а особенно — ткань повседневности, наделена свойством преобразовывать любые изобретения в сфере электронной коммуникации специфическим образом. В результате основания социальности сохраняются в полной неприкосновенности, и «электронная демократия» сейчас не более достижима, чем в середине прошлого века. Естественно, это не означает, что современное общество вовсе не эволюционирует, но направление его эволюции вовсе не детерминировано напрямую появлением все новых форм электронной коммуникации. Электронные коммуникативные технологии определяют природу общества не сами по себе, а только будучи опосредованными социальными и политическими интересами.

Однако следование канонам мифа о «Величии электричества» затрудняет серьезное и действительно научное исследование социальных последствий внедрения «Интернета». Особенно остро данная проблема стоит в России, где информационная революция началась с сильным запозданием и при этом наложилась на очередной этап рецидивирующей российской модернизации. В результате предсказания в духе мифа о «Величии электричества» в России являются еще менее валидными, чем на Западе.

Фактически, проблема социальных последствий

внедрения «Интернета» является для России частным случаем извечной проблемы российской модернизации и усвоения западных культурных норм и ценностей. Неразрешимость этой последней проблемы в течении последних 200 лет делает перспективы «Интернета» в России весьма неясными. Ссылки на стремительный рост российской сети и на то, что прогресс техники остановить невозможно, является не слишком убедительными. В конце концов, в Китае пользователей «Интернета» как минимум в пять раз больше, чем в России, что не только не порождает тяги к «электронной демократии», но, наоборот, способствует появлению на самом высоком уровне проектов создания собственной, китайской сети, полностью непроницаемой для внешнего мира. Данная идея, достаточно дико выглядящая с точки зрения сторонников глобализации, является вполне разумной с позиций китайской ментальности. Каковы будут итоги адаптации идеи информационного общества к российской ментальности — покажет время.

¹ Цит по: Щеглов Ю.К. Комментарии к роману «Двенадцать стульев» // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 1995. С. 488.

² Анализ мифа о величии электричества породил целое направление медиа-исследований. См., напр., последние работы серии «Console-ing Passions»: Sconce J. Haunted Media. Electronic Presence from Telegraphy to Television. Durham, 2000; Spygel L. Dreamhouse. Popular Media and Postwar Suburbs. Durham, 2001.

³ Цит. по Stallabras J. Empowering technology: the exploration of cyberspace. // New Left Review, N 211, May-June 1995 — P. 23.

⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. С. 327.

ТЕЛЕПЕРЕДАЧА (Как мы открывали информационное общество в Свердловске)

А.М. Воробьев

Воробьев
Алексей
Матвеевич —
доктор
философских
наук, профессор,
главный научный
сотрудник
Института
философии
и права УрО РАН.

Это было ровно двадцать лет назад, в «застойные годы». Однако ничто не напоминало о махровом застое. На заводах трудились, как и раньше, по-уральски, истово, строились новые предприятия и жилье. Коровы давали в среднем по три с лишним тысячи литров молока в год, были даже «пятитысячницы». Картошку, овощи убирали всем миром, на зиму хватало. В гастрономе лежали куры, утки, свинина, появлялась и говядина — всего по 2 рубля за килограмм. Вот, правда, шибко пил народишко...

«Мы еще не знаем общества, в котором живем», — глубокомысленно заметил Ю.В. Андропов, сменив на посту генсека и Председателя Президиума ВС СССР Л.И. Брежнева. В Свердловской области так и не дождалась приезда Леонида Ильича, начинавшего здесь свой «звездный» разбег землестроителем. Острижки рассказывают, что он уже совсем собрался ехать на Урал, но жена в последний момент отсоветовала: там в свое время царя убили.

На Среднем Урале развернули энергичную работу по выполнению решений ноябрьского